

УДК 341.4

Н. А. Зелинская

**НЮРНБЕРГСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРИНЦИП «EX POST FACTO»
В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Запрещение ретроактивного применения уголовного права является важным общеправовым принципом. Статья 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. гласит, что «никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением». В этой же статье оговорено: «Ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом».

Преступление, «согласно общим принципам права, признанным международным сообществом», является основной категорией международного уголовного права, базирующегося на признании необходимости уголовно-правовой защиты основных общечеловеческих ценностей вне зависимости от того, отражен ли состав соответствующих преступлений в законах государства, на территории которого они совершены. Органы международной уголовной юстиции и внутригосударственные суды вправе осуществлять правосудие в отношении лиц, которым инкриминируются такие преступления, непосредственно на основе норм международного права. Это положение было впервые отражено в Уставе Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси в содержащейся в ст. 6 (п. «с») формуле относительно подлежащих его юрисдикции преступлений независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет [7, т. 1, с. 63–65].

Учреждением Международного военного трибунала для суда над

главными военными преступниками второй мировой войны было «создано» новое, абстрагированное от национального, понятие международного преступления и международно-правовой механизм привлечения к ответственности на него. Международно-правовой криминализации были подвергнуты деяния, не являвшиеся преступлениями в национальных системах уголовного права. Таким образом, международное право проявило способность самостоятельно определять сферу уголовной репрессии. Это стало революционным событием в его истории.

Нельзя не признать, что трибунал столкнулся с серьезными концептуальными проблемами. Одной из причин доктринального отрицания Нюрнбергского прецедента стали ссылки на ретроактивное применение уголовного права. Уже в процессе судебного разбирательства подсудимые и их защитники утверждали, что применением к ранее совершенным преступлениям установленных позднее правовых санкций нарушаются принципы «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» и «*ex post facto*». Для опровержения этого утверждения Нюрнбергский трибунал использовал концепцию преступлений «по общему международному праву». В своем приговоре трибунал опирался на теорию, согласно которой преступления, отнесенные к его юрисдикции, рассматривались как преступления по общему международному праву, существовавшие задолго до принятия Устава и начала Нюрнбергского процесса. Считая, что всеобщность и сила принципов международного права присущи самой его природе, трибунал утверждал, что с точки зрения основной идеи общего международного права заведомо преступными являются действия, которые нарушают интересы, защищаемые международным правом [7, т. 7, с. 363]. Тезис, согласно которому все преступления, инкриминировавшиеся обвиняемым, являлись преступлениями по общему международному праву, стал основным постулатом нюрнбергской концепции, нашедшей свое развитие в приговоре Токийского трибунала.

Утверждение, что все инкриминируемые преступления нарушали нормы общего международного права, сложившиеся к моменту их совершения, было весьма спорным и послужило поводом для острых дискуссий. Точка зрения Нюрнбергского трибунала нашла поддержку у многих ученых, которые категорически отрицали какое бы то ни было нарушение им принципа *ex post facto*. К. Райт (*Wright*), ссылаясь на Статут Международного Суда ООН (ст. 38) заявлял, что «источниками общепризнанных норм международного права являются конвенции общего характера, общие обычаи, общие принципы и судебные прецеденты, а также выводы из доктринального юридического анализа, в связи с чем международное право напоминает общее право — в том смысле, что со временем его характер меняется и эволюционирует; если же рассматривать международное право как развивающуюся систему, станет очевидным, что международное право содержало запрет на действия, перечисленные в Уставе, задолго до того, как инкриминируемые преступления были совершены подсудимыми» [6, с. 52–53].

Связывая содержание принципа «*nullum crimen sine lege*» особенностями международного права, известный бельгийский ученый Стефан Глазер (*Glaser*) писал, что с точки зрения международного права действие расценивается как преступное уже в момент его совершения, независимо от того, вытекает ли это определение о преступности из договорного права или непосредственно из права обычного. С. Глазер утверждал, что международное уголовное право берет свое начало из международного правосознания и защищает важные интересы, общие для многих государств, в связи с чем основной заповедью законности в сфере международного уголовного права является более широкий, в естественно-правовом смысле сформулированный принцип: «нет преступления без указания на то в праве (*nullum crimen sine iura*)» [1, с. 13].

У многих юристов концепция «преступлений против общего права» применительно к преступлениям против мира вызвала серьезные возражения. Поборники позитивного права, для которых юридически действительными являются лишь нормы, проистекающие из совпадения воли государств, выраженных определенным образом, рассматривали все, что не отмечено этим признаком, как не обладающее обязательной юридической силой и не порождающее материально-правовых прав и обязанностей. Так, Г. Финш (*Finch*) категорически отвергал тезис, согласно которому готовность к войне — агрессивной или иной — было незаконным по международному праву [14, р. 20, 26]. Ф. Могем (*Mangham*) писал, что мир был удивлен, когда прочитал в приговоре, что Устав был «выражением существующего международного права», в то время как ни одно государство никогда ранее не утверждало, что агрессия — преступление. «Четыре державы, или четверо судей, — заявлял Могем, — не имеют права создавать какие-либо правила в области международного права, которые никогда раньше не были известны либо согласованы государствами» [17, р. 18, 51]. Резкой критике позицию трибунала в отношении преступления агрессии как «преступления против общего права» подверг Г. Кельзен (*Kelsen*), который утверждал, что пакт Бриана—Келлога не создал уголовного запрета на действия частных лиц. Г. Кельзен признал, что «принцип игнорирования» допускал любое нарушение принципа *ex post facto*, какое только могло иметь место: «Правосудие требовало наказания этих людей как подсудимых на Нюрнбергском процессе... В случае, если два постулата правосудия конфликтуют друг с другом, преимущественное значение имеет высший из них; и наказание тех, кто нес моральную ответственность за международное преступление, каким была вторая мировая война, может наверняка рассматриваться как более важное дело, чем соблюдение весьма относительного правила о запрете применения закона *ex post facto*, из которого бывает так много исключений» [16, р. 153, 161, 165].

Советская доктрина международного права, как правило, категорически отвергала упреки в нарушении принципа «*nullum crimen sine lege*» и ретроактивном применении трибуналом уголовного права либо

отрицала абсолютную ценность этого принципа. «Положение, что уголовный закон не может иметь обратной силы, вовсе не имеет абсолютного значения. Оно перестает действовать, когда законодатель находит нужным по тем или иным соображениям отменить его. В области международных отношений, где закон уступает место договору, это может сделать договор», — подчеркивал Н. Н. Полянский [8, с. 12]. Отмечая, что «международное право и правосознание народов в существенной мере были подготовлены предыдущим развитием к привлечению к ответственности нацистских преступников», В. В. Пустогаров писал: «В свете этих фактов наивно представлять подсудимых на Нюрнбергском трибунале как лиц, которые не ведали, что агрессия является международным преступлением. И позволительно спросить: какое уголовное законодательство, международное или национальное, могло заранее предусмотреть Освенцим или Трешлинку, т. е. невиданные до тех пор преступления гитлеровцев? И разве планомерное уничтожение 6 млн евреев, планомерное уничтожение военнопленных — это не международное уголовное преступление?» [9, с. 121].

В современной российской юридической литературе признается, что «принцип отсутствия обратной силы закона имеет свои существенные особенности в международном праве. Профессор Р. А. Мюллерсон утверждает: «Если преступный характер таких деяний установлен международным правом, а сами они имеют тяжкий и массовый характер, то возможно и последующее уточнение объективной стороны преступления. Это имело место и в Нюрнберге, где Устав Международного военного трибунала с его конкретными формулировками был разработан после фактического совершения действий, задолго до этого признававшихся преступными» [4, с. 92]. Украинский юрист-международник А. А. Мережко называет решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов «примерами действенности естественного права в XX веке» [5, с. 32].

Вопрос о том, являлось ли принятие Лондонского соглашения и Устава Международного военного трибунала актом правотворчества, то есть содержали ли они новые правовые нормы, которые были применены к событиям, имевшим место до их принятия, до сих пор не нашел однозначного решения. Профессор И. И. Лукашук обоснованно считает справедливыми некоторые критические замечания в адрес Нюрнбергского трибунала, полагая, что с точки зрения действовавшего в то время международного права уставы трибуналов и их приговоры были небезупречны: «по крайней мере, в отношении ответственности отдельных лиц за преступления против мира, державы, подписавшие Лондонское соглашение, скорее создали новые, а не применили существовавшие нормы права» [2, с. 117, 258–259].

Приходится признать, что доводы специалистов, усматривавших в позиции трибунала определенное нарушение принципа «*ex post facto*», выглядят весьма убедительно. Вместе с тем нужно заметить, что запрет ретроактивного применения касается только того уголовного закона,

который ухудшает положение обвиняемых. Вполне очевидно, что вопиющие злодеяния, совершенные во время второй мировой войны, не могли остаться безнаказанными. В обществе, где отсутствует правовая система, обеспечивающая привлечение к ответственности лиц, совершивших тяжчайшие злодеяния, господствуют месть и самосуд. Альтернативной Нюрнбергскому трибуналу была не безнаказанность нацистов, а внесудебная расправа. Правосудие заменило собой внесудебный произвол, следовательно, правовые положения, регламентировавшие уголовную ответственность индивидов и устанавливавшие международную уголовную юрисдикцию, не ухудшали, а улучшали положение подозреваемых лиц и, вполне резонно, могли иметь обратную силу. Формулировка оснований международной уголовной ответственности, содержащаяся в Уставе трибунала, позволила обвиняемым активно осуществлять свою защиту в рамках уголовного процесса и способствовала достижению целей неотвратимости наказания при условии соблюдения фундаментальных прав обвиняемых. В данном случае ретроактивное применение закона не нуждается в опровержении, поскольку улучшает положение обвиняемых и является оправданным.

Использование юридической категории «преступление» для квалификации злодеяний нацистских лидеров привело к обращению справедливого возмездия в русло правосудия, и в этом смысле констатация уголовного характера совершенных деяний не явилась отягчением положения обвиняемых лиц. Видимо, следует признать, что это был случай ретроактивного применения права, но право всегда лучше бесправия, а правосудие, даже «правосудие победителей» — предпочтительней расправы.

В постнюрнбергский период концепция «преступления по общему международному праву» широко применялась национальными судами при рассмотрении ими дел по обвинению нацистских преступников. В значительной степени, она была востребована с целью согласования с принципами «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*». Для обоснования распространения своей юрисдикции на деяния, не признававшиеся преступными по уголовному внутригосударственному праву, национальные суды делали ссылки на авторитет международного права.

Так, Американский военный трибунал в приговоре по делу о карательных отрядах (процесс № 2) отверг тезис защиты о противоправности закона № 10 Союзного Контрольного Совета, который она определяла как *ex post facto law*, и заявил, что этот закон, так же как и Устав Международного военного трибунала, представляет выражение уже действовавшего к этому времени международного права. Закон № 10 лишь кодифицировал и дал систематическое изложение уже существовавших правовых принципов, правил и обычаев, зафиксированных в различных международных конвенциях, в которых участвовала в том числе и Германия и которые в течение десятилетий, если не столетий, являлись составной частью международного права [1, с. 31]. Аналогичное заявление было сделано в ходе процесса над нацистскими юристами.

Суд подчеркнул: «Инкриминируемые подсудимым обвинения не основываются на нарушениях ими германского права. Напротив, юрисдикция настоящего Трибунала основывается на международном авторитете. Здесь мы имеем материальное право высшего порядка, имеем Трибунал, которому поручено и от которого требуется применять это право вне зависимости от того, соответствует оно или нет положениям внутренних германских законов» [1, с. 28].

Концепция преступления по общему международному праву нашла свое развитие в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Этой конвенцией мировое сообщество выделило геноцид в самостоятельное международное преступление, однако привлечение к уголовной ответственности и наказание лиц, виновных в совершении актов геноцида, представляет собой требование общего международного права, обязательного для всех государств, вне зависимости от их участия в Конвенции. Такой вывод, в частности, следует из консультативного заключения Международного суда «Оговорки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», согласно которому государства должны наказывать лиц, виновных в актах геноцида, независимо от того, являются ли соответствующие государства участниками данной Конвенции. Международный суд высказал следующие соображения: «Причины разработки Конвенции отражают намерение Организации Объединенных Наций осудить и покарать геноцид как «преступление по международному праву», подразумевающее отказ в признании права на существование целых человеческих групп, отказ, который оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества и противоречит нравственному закону, духу и целям Организации Объединенных Наций (резолюция 96 (1) Генеральной Ассамблеи. 11 декабря 1946 года). Эта концепция приводит к первому следствию: принципы, на которых основана Конвенция, являются принципами, признанными цивилизованными нациями обязательными для государств даже вне всякой конвенционной связи» [6, с. 172–173].

В этом контексте нельзя не упомянуть классическое дело А. Эйхмана (*Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann (1961)*), в котором отнесение израильскими судами военных преступлений и преступлений против человечности к своей юрисдикции было общепризнано, несмотря на то, что эти преступления были совершены в Европе лицами, которые не были гражданами Израиля, во время второй мировой войны, когда Израиль еще не существовал [3, с. 169]. А. Эйхману было предъявлено обвинение на основании Закона о наказании нацистских преступников и их пособников от 1 августа 1950 г. и соответствующих статей действующего в Израиле уголовного кодекса. Эйхман был обвинен в военных преступлениях, преступлениях против человечества и еврейского народа, совершенных в период нацистского режима. Приговор, признающий его виновным, был вынесен 13 декабря 1961 г. Окружной суд Иерусалима констатировал, что уголовное законодательство

Израиля, на основании которого Эйхману было предъявлено обвинение, включало в себя универсальные нормы международного права. Преступления, которые вменялись в вину, — это преступления, которые нанесли удар по всему человечеству и потрясли совесть наций, серьезные нарушения против международного права непосредственно (*delicta juris gentium*). Поддерживая решение Окружного суда, Верховный Суд Израиля, в числе прочего, подчеркнул, что преступления по международному праву являются основанием индивидуальной уголовной ответственности. Дискриминационные антисемитские декреты нацистского режима не были законны в смысле международного права, не могли придавать правомерность тяжким преступлениям и освобождать от персональной ответственности совершивших их лиц [15, р. 280–288]. Такие преступления имеют характеристику преступлений, признанных общим международным правом, и представляют собой действия, которые наносят вред жизненно важным международным интересам, основам международного сообщества, нарушают универсальные моральные ценности и гуманитарные принципы.

Среди других дел, сыгравших заметную роль в становлении концепции преступлений по общему международному праву, может быть названо рассматривавшееся во Франции дело по обвинению нацистского преступника К. Барбье (*Federation Nationale de Deportés et Internes Résistants v. Barbie*). В постановлении от 8 июля 1983 г. Обвинительной камерой Апелляционного суда в Лионе заявлено, что «по своему характеру преступления против человечности... не находятся в сфере действия только французского уголовного права, но также и международного уголовного правопорядка, которому государственное понятие границ и производные от него специальные нормы совершенно чужды» [10, с. 103].

Уголовное преследование нацистов имело историко-воспитательный и идеологический подтекст и было призвано служить возмездием преступникам — представителям побежденной стороны. В судебных процессах по этим делам добро и зло были четко идентифицированы и очерчены. Их моральным подтекстом было стремление доказать преступность фашистской идеологии и превосходство поведения союзников во время войны [18, р. 24].

Нюрнбергский процесс имел своей основной целью наказание лиц, виновных в развязывании войны и связанных с ней преступлениях. Победившие союзные державы преследовали своих немецких и японских противников без рассмотрения возможности применения тех же норм к их собственному поведению во время войны. Это был суд над виновниками войны, что нашло отражение уже в самом названии трибунала.

Более чем через 60 лет после окончания Нюрнбергского процесса созданная им правовая конструкция была применена к победителям во второй мировой войне и получила оценку Европейского суда по правам человека. Эта оценка оказалась неоднозначной. В частности, в решении

по вопросу о приемлемости жалоб, представленных А. Кольком и П. Кислым против Эстонского государства. А. Кольк и П. Кислый были осуждены 10 октября 2003 г. Саареским уездным судом Эстонии за преступления против человечества на основании со ст. 61-1 §1 Уголовного кодекса этого государства. Согласно решению суда, заявители участвовали в марте 1949 г. в депортации гражданского населения из оккупированной Эстонской Республики в отдаленные районы Советского Союза. А. Кольк служил в Государственном министерстве безопасности республики и участвовал в подготовке операции по депортации «Прибой»: составил документы для депортации десяти семей, сделал предложение по депортации 27 лиц, а после осуществления операции по депортации составил соответствующие документы. П. Кислый служил инспектором в Министерстве внутренних дел Эстонской ССР и, будучи начальником специального отряда, в марте 1949 г. участвовал в депортации одной семьи, заполнил анкету, касающуюся этой семьи, и организовал депортацию четырех лиц. Защитник заявителей подал апелляцию против уездного суда Таллиннскому окружному суду. Он утверждал, что в рассматриваемое время на территории Эстонии применялся Уголовный кодекс 1946 г. Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), который не предусматривал наказаний за преступления против человечества. Согласно изменениям в эстонском Уголовном кодексе 1992 г., привлечение к уголовной ответственности за преступления против человечества начало действовать только с 1994 г. Защита утверждала, что уездный суд не установил, являлась ли депортация по международному и государственному праву 1949 г. преступлением против человечества и возможно ли было заявителям в то время предусмотреть, что они совершают преступление. По мнению защиты, у заявителей отсутствовала возможность предусмотреть, что через 60 лет их действия могут квалифицироваться как преступления против человечества. 27 января 2004 г. Таллиннский окружной суд оставил решение уездного суда без изменения. Окружной суд отметил, что преступления против человечества наказуемы независимо от времени совершения преступления, сославшись на Устав Международного военного трибунала (ст. 6 «с») и резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 95 от 11 декабря 1946 г. Окружной суд сделал ссылку на IV принцип Нюрнбергского военного трибунала, установив: «На основании международного права, лицо не освобождается от ответственности тем обстоятельством, что лицо действовало по приказу своего правительства или начальника, в случае, если у него фактически имелась возможность выбора». Суд высказал мнение о том, что Устав Нюрнбергского трибунала, а также Устав Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии закрепляют нормы обычного международного права, которые носят обязательный характер, независимо от того, присоединилось ли конкретное государство к правозащитному международному договору.

Рассмотрев жалобы А. Колька и П. Кислого, Европейский суд по пра-

вам человека счел беспочвенными утверждения заявителей о том, что их действия не являлись преступлениями против человечности в момент их совершения, и заявил, что не видит оснований ставить под сомнение «толкование и применение внутреннего законодательства, сделанные в эстонских судах в свете соответствующих норм международного права». В силу этого суд объявил жалобы неприемлемыми на основании ст. 35 (ч. 3, 4) Конвенции [13]. Это решение оставило открытыми многие вопросы. Отнюдь не «главные военные преступники» были преданы суду: действия рядового работника МВД, участвовавшего в депортации одной семьи (в ситуации, когда у него фактически не было возможность выбора варианта поведения), были признаны тем самым преступлением против человечества, которое не имеет срока давности.

Правовая аргументация Европейского суда по правам человека вызвала ряд серьезных критических замечаний [11]. Они усугубились противоречиями с оглашенным судом 24 июля 2008 г. решением по делу «Кононов против Латвии». Со ссылкой на ст. 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Кононов подал жалобу в суд, считая, что он был осужден в Латвии за действия, за которые в момент их совершения не была предусмотрена уголовная ответственность ни в международных, ни в национальных правовых актах. Четырьмя голосами против трех суд признал, что ст. 7 Конвенции была нарушена. Суд подробно проанализировал констатированные в решениях латвийских судов факты и высказанные заключения, выразив критику в отношении решений латвийских судов в связи с их слишком общим характером в применении международных правовых норм. Не согласившись с применением латвийскими судами принятых в 1949 г. и в 1977 г. международных соглашений для оценки событий 1944 г., суд счел, что в то время, когда произошли инкриминируемые события, Кононов не мог предусмотреть, что его действия могли быть наказуемы как военные преступления. По мнению суда, даже если согласно действующим в то время законам совершенные Кононовым действия могли бы быть классифицированы как убийство, бандитизм и др., срок давности преступлений такого рода истек уже в 1954 г. К решению прилагается отдельное мнение судей из Латвии, Швеции и Исландии. В нем судьи указали на то, что в переоценке фактов в уголовном деле Коконова палата вышла за пределы своей компетенции, которые не позволяют Суду действовать как суду апелляционной инстанции, в том числе оценивать преступное намерение истца. К тому же судьи указали, что мнение большинства в данном деле противоречит не только нынешней практике Европейского суда по правам человека, но и основным принципам гуманитарного права и международного уголовного права, а также более широкого международного публичного права [12].

Как видим, проблема ретроактивного применения норм международного уголовного права не утратила своей остроты и не имеет однозначного разрешения. В контексте международного уголовного права далеко

не все деяния, запрещенные национальным уголовным правом, преступны и не все, что не запрещено или, более того, предписывается национальным правом, — не преступно. В этом смысле международное преступление — это посягательство на универсальную этику и общечеловеческие ценности, подлежащее солидарному уголовному преследованию мировым сообществом в целом. В вопросах предания суду таких лиц правосудие и политика находятся в постоянном противоборстве между требованиями права и политическими соображениями. Особая опасность состоит в том, что международная и внутригосударственная юстиция может оказаться заложником политических интересов. Известно, что там, где начинается политика, заканчивается правосудие.

Л и т е р а т у р а

1. *Ледях И. А.* Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. — М., 1973.
2. *Лукашук И. И.* Международная противоправность и преступность агрессии // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашук. — М., 1995.
3. *Маланчук П.* Вступ до міжнародного права за Єйкхерстом: Пер. з англ. — 7-ме вид., переробл. — Х., 2000.
4. Международное уголовное право: Учеб. пособие / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева.
5. *Мережко А. А.* Введение в философию международного права. Гносеология международного права. — К., 2002.
6. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашук. — М., 1995.
7. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. — М., 1957—1961.
8. *Полянский Н. Н.* Международный военный трибунал. — М., 1946.
9. *Пустогаров В. В.* Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986.
10. *Цоллер Э.* Действие в пространстве нормы об ответственности // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашук. — М., 1995.
11. *Cassese A.* Balancing the Prosecution of Crimes against Humanity and Non-Retroactivity of Criminal Law. The Kolk and Kislyiy v. Estonia Case before the ECHR // Journal of International Criminal Justice. — 2006. — N 4. — P. 410—418.
12. European Court of Human Rights. Case of Kononov v. Latvia. Judgment (Merits and Just Satisfaction): Violation of Art. 7.
13. European Court of Human Rights. Decision on the case Kolk and Kislyiy v. Estonia: Non-Applicability of Statutory Limitations to Crimes against Humanity.
14. *Finch G.* The Nuremberg Trial and International Law // American Journal of International Law. — 1947. — N 41.
15. *Harris D. J.* Cases and Materials on International Law. — 5th ed. — 1998.
16. *Kelsen H.* Will the Judgment in the Nuremberg Trial Constitute a Precedent in International Law? // The International Law Quarterly. — 1947. — № 2.
17. *Mangham F. H.* UNO and War Crimes. — London, 1951.
18. *Simpson G. J.* War Crimes: A Critical Introduction // The Law of the War Crimes / Ed. by T. L. H. McCormack and G. J. Simpson. — London; Boston, 1997.